

Книга литературного критика, публициста и прозаика Петра Ткаченко «До разгрома и после него» — о русской классической литературе. Продолжение русской литературной традиции немислимо, как считает автор, без перечитывания ее ключевых произведений вне былых идеологических влияний.

Появление такой книги кажется несколько неожиданным в наше литературное безвременье. Но вместе с тем оно, видимо, и закономерно. Ведь уже совершенно ясно, что русская литература переживает ныне беспрецедентный, ранее не встречаемый период своего состояния и положения в обществе. Причем литература вся — как классическая, так и современная, текущая. Выражается это в том, что она целенаправленно и настойчиво вытесняется из общественного сознания и изгоняется из образования.

Это и дает полное право автору прийти к печальному выводу: «У нас в России была одна безусловная величина мирового масштаба. Это — великая русская литература. А потому с пресечением ее мы перестаем быть слышны в мире. Это и является истинной причиной таких настойчивых и упорных экспериментов с литературой, необязательность которых очевидна всем, действительно образованным и чутким людям. Как очевидны и их трагические последствия для личности, общества и страны».

Из чего исходит Петр Ткаченко, отдавая многие годы перечитыванию вершин-

ных произведений русской литературы? Из того, что духовные и социальные катаклизмы нашего времени потребовали от литераторов разрешения целого ряда проблем. Прежде всего — пересмотра своего творческого хозяйства. Отстаивания права литературы на свое существование, помня завет А. Блока из его статьи «О назначении поэта»: «Никаких особенных искусств не имеется; не следует давать имя искусства тому, что называется не так». И главное — требовалось перечитать классику, толкование которой в большей мере оказалось в идеологическом плену. И, кстати, не только в советский период истории, но и в идеологическом плену исторических ревнителей русской словесности XIX века, революционных демократов, почитавших литературу лишь «помощницей» в делах якобы более важных, чем она... И тем самым, разумеется, из самых добрых побуждений сводили творения духа до пресловутой «социальности», искажая их до неузнаваемости...

Предстояла огромная интеллектуальная и духовная работа широких слоев образованной части общества, которая, к сожалению, не была осознана как культурная задача. Масштаб бедствия — упразднение русской литературы — оказался, по сути, неосознанным...

Принципиальное условие, которого придерживается автор, состоит в том, что он замечает в классических произведениях русской литературы то, что не было замечено исследователями до него

или осталось обойденным по причинам внелитературным. Это и становилось причиной и поводом написания той или иной повести.

Ну нельзя же мириться с тем, что толкование глубочайшего творения человеческой мысли и духа — «Медного всадника» А. С. Пушкина — издавна и до сих пор все еще строится на легкой идейке либерального толка, которой не знали современники поэта. Суть ее состоит в том, что в петербургской повести якобы альтернативно противопоставлены государственная воля и интересы простого человека. Отсюда следует, что личная свобода человека достигается не иначе как через разрушение государственности... Согласимся с тем, что это довольно ядовитая идея. Но главное состоит в том, что ничего подобного в тексте пушкинской поэмы нет. А. С. Пушкин изображает Божеское устройство мира, где у царя и у маленького человека своя мера ответственности. Это и выявляет Петр Ткаченко в повести «Стихийных сил не превозмочь...».

В книгу вошли повести о «Слове о полку Игореве»: «В поисках града Тмутаракани» — толкование образов древнерусской поэмы через христианское миропонимание, «Уже приспели гибельные дни...» — о том, как жило «Слово» в советский период истории.

В повести «“Песнь о вещем Олеге” как памятник русского самосознания» автор касается природы предсказаний, основываясь на русских летописях.

В книгу вошла новая работа критика о трагической гибели М. Ю. Лермонтова «С тех пор, как вечный Судия мне дал всеведенье пророка...». Через духовно-мировоззренческие аспекты, а не только через факты исторические и биографические, автор, как думается, приближается к постижению трагической гибели великого русского поэта.

В повести о В. Г. Белинском «После неистового Виссариона» автор, можно сказать, пытается исполнить наказ А. Блока: «Оценка деятельности Белинского и его соратников еще впереди». Видимо, такое время настало. Выдвигает реальную альтернативу великому кри-

тику — Ап. Григорьева. Рассказывает о малоизвестном критике Валериане Майкове, посмевавшем вступить в полемику с «литературным генералом» В. Белинским и рано ушедшем из жизни. Впрочем, В. Майкову посвящена отдельная статья «Валериан Майков — критик».

Тем самым Петр Ткаченко выстраивает справедливую иерархию ценностей в русской литературе, которая, к сожалению, все еще остается неточной.

Повесть «Пред ликом родины суровой я закачаюсь на кресте...» — о тайне смерти Александра Блока. Это вовсе не писательское и не журналистское расследование, но жесткий анализ неопровержимых фактов, на которые не обращалось должного внимания раньше.

Уверена, что читатели будут немало удивлены прочтением через библейские образы романа А. Фадеева «Разгром». И тем не менее для такого прочтения романа дает основания сам текст. Автор повести «До разгрома и после него» обращает наше внимание на этот аспект текста, который и является основным.

Повесть «В поисках подковы» посвящена образу подковы в творчестве О. Мандельштама, имеющему вполне определенное значение в русском народном самосознании и почему-то навязчиво присутствующему в поэтическом мире О. Мандельштама.

Характерным примером авторской позиции Петра Ткаченко, отмеченной выше, — замечать то, что исследователями осталось незамеченным, является повесть «Вещий сон генерала Корнилова», о сне Л. Корнилова в «Тихом Доне» М. Шолохова, оставшемся литературоведами обойденным.

Ярослав Смеляков как русский поэт советской эпохи рассматривается автором в повести «Ежели поэты врут, больше жить не можно...».

Повесть «Сей образ прекрасного мира...» о творчестве Николая Рубцова написана в связи с тем, что автору удалось разыскать в Москве, в частных собраниях, две первоначальные рукописи знаменитой книги поэта «Звезда полей». Это позволило критику сделать существенные текстологические уточнения в стихотворениях,

давно ставших шедеврами русской лирики. В книгу вошла также статья «“Я зову в собеседники время...”». Юрий Кузнецов в русском самосознании».

Словом, в новой книге Петра Ткаченко любопытные и неленивые читатели найдут немало интересного и непривычного, выходящего за рамки стереотипных представлений. И, надеюсь, согласятся с тем, что великая русская литература — это живая реальность, которая должна быть постигаема заново каждым поколением, открывающаяся новыми смыслами и значениями. Она объясняет

не прошлую, а нашу нынешнюю жизнь гораздо глубже и внятней, чем иные теперешние внешне суперсовременные, но торопливые писания, коими переполнены книжные развалы.

Книга может стать необходимой всем, кто изучает русскую литературу и традиционную народную культуру: школьникам, студентам, учителям-словесникам.

Ее подзаголовок «Своевременные размышления о русской литературе и жизни», безусловно, оправдан.

Катерина БЕДА

